

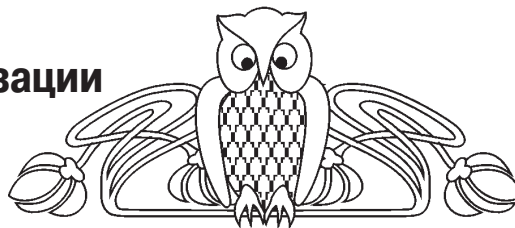

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 261–265
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 261–265
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-261-265>

Научная статья
УДК 811.161.1'37

Модели концептуальной метонимизации этического концепта «добро» в русской паремиологии

Т. Ван

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Россия, 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23

Ван Тяньцзяо, аспирант кафедры современного русского языка и общего языкознания, 931515224@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-2032-2165>

Аннотация. В работе осуществляется анализ моделей концептуальной метонимизации этического концепта «добро» в русской паремиологии. Показано, что концепт «добро» может не только обозначаться через призму его составляющих типа *доброго дела, добрых слов* и прочих, но и представлять его когнитивные компоненты типа *добрых отношений*. Делается вывод, что можно использовать лингвокогнитивный подход для исследования когнитивных моделей русских паремий и фразеологизмов.

Ключевые слова: когнитивные модели, концептуальные метонимии и метафоры, этический концепт «добро», паремиология

Для цитирования: Ван Т. Модели концептуальной метонимизации этического концепта «добро» в русской паремиологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 261–265. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-261-265>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Conceptual metonymical models of the ethical concept of “goodness” in Russian paremiology

T. Wang

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Prospekt Gagarina (Gagarin avenue), Nizhny Novgorod 603950, Russia
Wang Tianjiao, 931515224@qq.com, <https://orcid.org/0000-0003-2032-2165>

Abstract. The work analyzes conceptual metonymical models of the ethical concept of goodness in Russian paremiology. It is shown that the concept of “goodness” can be designated not only through its components such as a *good action, good words etc.*, but also represent its cognitive components such as *good relations*. It is concluded that it is possible to use a linguistic and cognitive approach in the study of cognitive models of Russian proverbs and idioms.

Keywords: cognitive models, conceptual metonymies and metaphors, ethical concept of “goodness”, paremiology

For citation: Wang T. Conceptual metonymical models of the ethical concept of “goodness” in Russian paremiology. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 261–265 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-261-265>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Статья посвящена анализу моделей концептуальной метонимизации этического концепта «добро» в русской паремиологии.

Цель исследования – выявление культурно значимых и когнитивных признаков этического концепта «добро», выраженных и закрепленных за русскими паремиями, посредством описания и объяснения моделей концептуальной метонимизации этого концепта.

В качестве метода исследования использованы метод лексико-семантического анализа, метод компонентного анализа и методика концептуального анализа.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решение следующих задач: 1) определить понятие «добро» как этический концепт базового уровня в числе многообразных представлений об идее «нюансы человеческих отношений»¹; 2) раскрыть языковые и когнитивные признаки этого концепта, выраженные в соответствующих единицах языка; 3) описать модели концептуальной метонимизации этого концепта в русской паремиологии.

Каждый, кто имеет дело с когнитивными исследованиями, очень хорошо знает, что в когнитивной лингвистике, являющейся совершенно

новым направлением науки о языке, исследовательское внимание акцентируется не только на объяснении этнических наивных представлений, отображенных в единицах языка², но и на изучении языковых значений как концептуальных структур через призму когнитивных стратегий, стоящих за языковыми фактами и моделями³. Именно это дает нам возможность определить и описать лингвокогнитивные признаки этического концепта «добро» в русской паремиологии.

Что касается понятия «добро», то необходимо указать, что оно, по существу дела, является концептом базового уровня, так как это понятие не только полностью соответствует всем критериям определения концептов базового уровня: 1) целостность в чувственном опыте; 2) легкая выделяемость на психологическом уровне; 3) приоритетность; 4) типичная реакция на стимулы; 5) частая употребляемость в речевом общении; 6) ключевая значимость; 7) ведущая роль в организации знаний и опыта⁴, но и совместно с понятием «зло» служит объективно существующим в виде некоторых уникальных, простых, не имеющих «частей» качеств⁵.

Тот общепринятый факт, что в русском языке лексема *добро* служит в качестве языкового знака как одноименного концепта «добро» этического характера, так и концепта «благо», дает нам возможность говорить о соотношениях этих концептов: в концептосфере русского языка в любом случае нельзя отождествить добро с благом. Поскольку добро признается таковым по сути своей, а не относительно того или другого человека, благо же, напротив, всегда кому-то «адресовано»⁶. Также благо, в отличие от добра, может быть в большей или меньшей степени, т. е. выступает как параметрическое свойство (*большое благо*, но нельзя **большое добро*).

Причина рассмотрения этического понятия «добро» как концепта базового уровня еще заключается в том, что оно совместно с понятием «зло» выступает в роли ориентира (стандарта, нормы) в рамках этики, которая по природе является моральной философией и в которой «мораль» понимается как оценочно-императивное отношение к миру с точки зрения добра и зла⁷, ее синоним «нравственность» ориентирует каждого человека на выбор добра и на избавление от зла⁸. Таким образом, мы приходим к следующему возможному пониманию этического концепта «добро»: добро – это некий инвариант, возникающий в коллективном языковом сознании носителей языка в рамках ключевой идеи русской языковой картины мира ‘нюансы человеческих отношений’⁹; это субъективное нравственное представление, имеющее своим источником совесть; это крайний положительный член в ценностной шкале «хорошо – плохо», отражающий именно моральный тип ценностей: то, что приносит другому благо либо материальное, либо психологическое, а себе – духовное удовлетво-

рение¹⁰. В связи с этим этический концепт «добро» попал в сферу нашего исследовательского внимания.

Выше уже было показано, что в научной парадигме когнитивной лингвистики все исследование вряд ли возможно без обращения к языковым единицам, которые сами по себе являются важнейшими и необходимыми носителями ментальной деятельности и психологического процесса. Это совместно с тем фактом, что национальный язык выступает как своеобразная операционная система для мысли¹¹, позволяет нам проводить исследование лингвокогнитивных признаков и моделей концептуальной метонимизации этического концепта «добро» не только в его одноименной лексеме *добро*, но и в других языковых единицах, которые в свой состав не включают этой лексемы, но имеют этическую семантику, связанную с добром.

В числе разного рода единиц языка паремиологические единицы занимают особое место, потому что они в плане выражения являются не только и даже не столько устойчивыми сочетаниями, сходными во многом с фразеологическими оборотами, сколько замкнутыми предложениями, состоящими из одних постоянных членов¹² – с одной стороны, с другой – они в плане содержания выступают как носители культурных смыслов нации, отражающие особенности национальной культуры, мировоззрение этноса, его этические и эстетические нормы, систему идеалов и ценностей¹³. Иначе говоря, все паремии являются сгустками народной исторической образности и новейшего языкового остроумия, самым точным и ярким способом оценки окружающей среды и самого человека¹⁴. Поэтому пословицы, имеющие общее паремиологическое значение, связанное с этикой, могут служить языковым материалом для исследования моделей концептуальной метонимизации этического концепта «добро».

Однако прежде чем перейти к рассмотрению конкретных когнитивных моделей этического концепта «добро», воплощенных и запечатленных в русских паремиях, нам еще нужно сказать несколько слов об одной когнитивной стратегии, т. е. концептуальной метонимии. Здесь не лишне будет указать, что метафора и метонимия всегда проникают друг в друга в концептуальной системе человека.

В теории концептуальной метафоры¹⁵ метонимия рассматривается не просто как использование одного и того же слова по отношению к новому внеязыковому объекту, смежному со старым денотатом во времени и в пространстве или вовлеченному с ним в одну ситуацию, но и как метонимическое обозначение одной части через призму другой, связанной теснейшим образом с предыдущей частью¹⁶, поскольку они и принадлежат к одному и тому же концепту и даже одной и той же когнитивной модели ситуации. Одним

словом, при метонимическом переносе одна концептуальная сущность (исходная часть) предлагает ментальный путь к другой концептуальной сущности (целевой части) одного и того же домена¹⁷. Именно это лежит в основе создания и описания моделей концептуальной метонимизации этического концепта «добро», реализованных в русских паремиях.

Первая когнитивная модель – это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «доброе дело», которая в явном виде отображена в следующих русских паремиях:

Доброе дело без награды не остается;

Доброе дело два века живет;

Доброе дело скрытности не любит;

Добрые дела и после смерти живут;

Добрым делом и кори;

Жизнь дана на добрые дела;

Торопись на доброе дело, а худое само прилеплет – и др.

Понятие «добро» само по себе является довольно сложной и многоаспектной ментальной единицей, включающей в себя достаточно много языковых и когнитивных свойств: *добрая воля, добрые поступки, добрые дела, адресант (творитель добра и/или отправитель добра), адресат (получатель добра), помощь, благотворитель* и т. д. Согласно механизму концептуальной метонимии, составляющие концепта «добро» имеют способность замечать целый концепт в мышлении, что отражается в речи. В соответствии с этим в вышеуказанных пословицах мы видим концептуальную метонимию «доброе дело вместо добра», которая относится к концептуальной метонимии «части вместо целого», находящейся на вышестоящем уровне категоризации, и на основе которой создается другая когнитивная модель, запечатленная в этих единицах языка, – это концептуальная метафора «добро есть одушевленное существо», поскольку в словах *жить, любить* и *смерть* выражаются когнитивные признаки, которыми обладает только одушевленное существо. Это отражается в паремиях: *Добрые дела и после смерти живут; Доброе дело два века живет*. Также предикат *любить* является языковым репрезентантом атрибута человека. Таким образом, на основе модели представления добра как одушевленного существа порождается другая когнитивная модель – концептуальная метафора «добро есть человек», находящаяся на базовом уровне категоризации и отраженная в русской паремии: *Доброе дело скрытности не любит*.

Вторая когнитивная модель – это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «добрый человек», которая эксплицитно выражается в русских паремиях с прилагательным *добрый*:

Доброго чти, а злого не жалей;

Добродетель доброму не вредит;

Доброму Бог помогает;
Доброму и сухарь на здоровье, а злому и мясное не впрок;

Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу;

Добрый человек в добре проживет век;

Добрый человек плачет от радости, а злой – от зависти;

Добрый скорее дело сделает, чем сердитый;

Мир не без добрых людей;

На добрый привет – добрый и ответ;

Из рук у доброго возьмешь ты горький плод, как сладость;

Рожь да пшеница годом родится, а добрый человек всегда пригодится;

Добрый человек лучше каменного моста;

Добрый и честный человек – сила нашего сердца;

Свет не без добрых людей;

С добрым жить хорошо – и пр.

В коллективном языковом сознании носителей русского языка прилагательное *добрый* в субстантивном употреблении способно замечать человека и означать 'тот, кто творит добро и несет его другим'. Это позволяет представить этический концепт «добро» через призму доброго человека (творителя добра и/или отправителя добра) в концептуальной системе русского народа. Поскольку в сознании говорящих по-русски концепт «добро» может метафорически представляться как человек, модели концептуальной метафоризации и модели концептуальной метонимизации понятия «добро» могут проникать друг в друга, что и отражено в вышеотмеченных русских паремиях. Таким образом, в основе данной когнитивной модели, т. е. концептуальной метонимии «добрый человек вместо добра», лежит концептуальная метафора «добро есть человек». Укажем также, что понятие «добрый человек», являясь концептом нижестоящего уровня, принадлежит к понятию «человек» как его видовой аспект.

Третья когнитивная модель – это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «добрые слова», которая в явном виде отображена в русских паремиях:

Добрые слова дороже богатств;

От лихого не услышишь доброго слова;

Доброе слово сказать – посошок в руки дать.

В абсолютном большинстве случаев абстрактные концепты типа добра всегда репрезентируются в их конкретных составляющих (в нашем случае – это *добрые слова*), что является основанием создания данной когнитивной модели, т. е. концептуальной метонимии «добрые слова вместо добра», суть которой заключается в том, что исходная часть этой метонимизации, т. е. добрые слова, имеет довольно много импликаций: *улучшение настроения других, оказание поддержки другим в сложный момент, созда-*

ние воли к победе, желание двигаться вперед и пр., которые, в свою очередь, приносят адресатам (получателям добра) удовольствие, либо физическое, либо ментальное. Сказанное выше полностью соответствует пониманию добра, возникающему в коллективном языковом сознании носителей русского языка в рамках ключевых идей русской ЯКМ 'нюансы человеческих отношений'¹⁸.

Также отметим, что в паремии *Добрые слова дороже богатств* закреплена и другая когнитивная модель этического концепта «добро», а именно концептуальная метафора «добро есть предмет с большой ценностью». В этой метафоре возможность представления добра как предмета с большой ценностью заключается в сравнении, которое выражено в этой паремии (здесь напомним, что в научной парадигме когнитивной лингвистики сравнение само по себе служит в качестве особой формы выражения концептуальной метафоры в языке).

Четвертая когнитивная модель – это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «добрые чувства», которая реализована в русской паремии: *Добрые чувства – сосед любви*.

Несмотря на тот факт, что данная пословица в основном посвящена выражению идеи 'любовь', необходимо указать на ее теснейшую связь с идеей 'добро', потому что любовь представляет собой основу добрых чувств человека. Это не вызывает никакого сомнения с учетом близких отношений идей 'любовь' и 'добро' в рамках этической философии. Таким образом, в этой паремии мы можем выделить модель концептуальной метонимизации «добрые чувства вместо добра». Кроме этого, слово *сосед*, являясь языковым репрезентантом идеи 'человек, живущий вблизи, рядом с к.-л. или занимающий ближайшее к к.-л. место и сидящий рядом', дает нам основание говорить и о другой когнитивной модели этического концепта «добро», т. е. концептуальной метафоре «добро есть сосед». Исходный домен этой метафоры, т. е. понятие «сосед», полностью относится к понятию «человек» как особая ролевая разновидность последнего, поэтому является концептом нижестоящего уровня с точки зрения теории базисных уровневых категорий (the theory of basic-level categories)¹⁹. Здесь отметим, что в ряде случаев разграничение концептуальной метафоры и метонимии представляет некоторые трудности, потому что, как уже было сказано выше, в концептуальной системе человека концептуальные метафоры и метонимии того или иного концепта могут проникать друг в друга.

Пятая когнитивная модель – это концептуально-метонимическая модель обозначения этического концепта «добро» через призму его составляющей «добрый характер», которая в явном

виде отражена в русской паремии: *Волосы имеем – косы плетем; добрый характер – слезы льем*.

Как уже говорилось ранее, этический концепт «добро», являясь довольно сложной, комплексной ментальной репрезентацией, включает в себя достаточно много компонентов, в числе которых выступают связанные с человеком добрые признаки. Напомним также, что человек служит в качестве прототипа в рамках этого концепта как творитель добра, отправитель добра и получатель добра. Другими словами, в основе метонимического обозначения добра через призму доброго характера лежит и другая когнитивная модель, т. е. концептуальная метафора «добро есть человек». Таким образом, в сознании русского народа понятие «добрый характер» имеет способность замещать самый концепт «добро».

Здесь стоит отметить, что проанализированные выше модели концептуальной метонимизации этического концепта «добро» по природе могут быть отнесены к концептуальной метонимии «части вместо целого», в связи с чем они находятся на базовом уровне категоризации в иерархии концептуальных метонимий. То же видим и для шестой когнитивной модели.

Шестая когнитивная модель – это концептуально-метонимическая модель обозначения компонентов этического концепта «добро» через призму самого концепта, которая отображена в русской паремии: *Захочешь добра – посыпь серебра*.

Слово *добро* на первый взгляд является языковым репрезентантом концепта «имущество», поэтому оно не имеет непосредственной связи с этикой. Однако здесь необходимо отметить, что в этой пословице мы можем увидеть ситуацию, когда добрые дела и также добрые отношения покупаются деньгами (в данном случае – *серебром*). Таким образом, слово *добро* является и языковой объективацией одноименного концепта «добро», который замещает его составляющие типа *добрых дел* и *добрых отношений* не только в этой пословице, но и вообще – в языковом сознании носителей русского языка. Напомним еще, что в этой пословице мы видим связь между концептами «имущество» и «добро», которые выражаются в одном и том же слове *добро*.

В заключение отметим, что в процессе исследования культурно значимых и когнитивных признаков этического концепта «добро», воплощенных в соответствующих русских паремиях, мы получаем возможность рассматривать некоторые представления о добре в русской языковой картине мира. Понятие «добро» по сути своей является этическим концептом базового уровня, служащим ориентиром (стандартом, нормой) в нравственно-ценностной оценочной шкале и состоящим из достаточно многих когнитивных и языковых свойств. В когнитивных моделях русских паремий этический концепт «добро» может быть обозначен через призму его составляющих:

доброе дело, добрые слова, добрый человек, добрые чувства и добрый характер – с одной стороны, с другой – этот концепт сам по себе имеет способность репрезентировать его компоненты типа *добрых отношений* и *добрых дел*. Стоит здесь указать, что в концептуальной системе человека теснейшим образом связаны друг с другом. Для дальнейшего анализа когнитивных моделей русских фразеологизмов и паремий вполне возможно использование лингвокогнитивного подхода (в нашем случае – это *концептуальные метонимии* и *метафоры*).

Примечания

- ¹ Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005. С. 11, 353–354.
- ² См.: Попова З., Стернин И. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ ; Восток – Запад, 2007. С. 9.
- ³ См.: Wang Yin. Cognitive Linguistics. Shanghai : Shanghai Foreign Language Education Press, 2007. P. 11.
- ⁴ См.: Wang Yin. An Introduction to Cognitive Linguistics. Chongqing : The Chongqing Press, 2005. P. 11.
- ⁵ См.: Максимов Л. О дефинициях добра : логико-методологический анализ // Логический анализ языка. Языки этики / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; отв. ред. : Н. Д. Арутюнова [и др.]. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 18.
- ⁶ См.: Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А. Указ. соч.
- ⁷ См.: Родионов О. Моральные ценности : история, сущность и специфика // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Философия. Социология. Право. 2009. № 8 (63). С. 42–49.
- ⁸ См.: Пашков В. Историко-теоретический анализ понятий «духовность» и «нравственность» // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 298–302.
- ⁹ См.: Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А. Указ. соч.
- ¹⁰ См.: Ван Тяньцзяо. Когнитивная интерпретация этических концептов «добро» и «зло» как категорий базового уровня // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 6. С. 137.
- ¹¹ См.: Рабиль Т. Когнитивистика : учеб. пособие. Нижний Новгород : Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2017. С. 5.
- ¹² См.: Пермяков Г. Основы структурной паремиологии. М. : Наука, 1988. С. 18 ; Телия В. Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 74.
- ¹³ См.: Верецагин Е., Костомаров В. Язык и культура : Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Русские языки, 1990. С. 68.
- ¹⁴ См.: Мокиенко В., Никитина Т. Большой словарь русских поговорок. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 3.
- ¹⁵ См.: Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago : University of Chicago Press, 1980. P. 36.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См.: Kovecses Z. Metaphor : A Practical Introduction. Oxford : Oxford University Press, 2010. P. 173.
- ¹⁸ См.: Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А. Указ. соч.
- ¹⁹ См.: Ungerer F., Schmid H. J. An Introduction to Cognitive Linguistics. Beijing : Foreign Language Teaching and Research Press, 2001. P. 60.

Поступила в редакцию 18.02.2021, после рецензирования 05.05.2021, принята к публикации 12.05.2021
Received 18.02.2021, revised 05.05.2021, accepted 12.05.2021